ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.542.2:68.1

И. Ю. Суркова

СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ ЖЕНЩИН В ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ: ГЕНДЕРНОЕ ТАБУ ПРОТИВ ВОЕННОЙ ТАКТИКИ

На протяжении длительного времени историческую картину мира создавали мужчины, выражая свой взгляд на окружающую действительность, структуру идеальной семьи, место и роль женщины в социальном пространстве. Любые социальные, экономические, политические преобразования приводили к изменениям в социальном порядке, заставляли пересматривать гендерные контракты, причем инструментальную функцию при решении «женского вопроса» выполняли мужчины. Именно в их руках сосредоточивалась реальная власть, посредством которой формировалось законодательство, устанавливались нормы, культивировались механизмы реализации доминантных отношений в семье. Идеальная женщина в патриархальном обществе не является автономной личностью, она подчиняется воле и желанию мужчины, посвящает себя своему мужу и материнству.

Современные гендерные отношения строятся на основе мифов о первоначальном функциональном предназначении женщин и мужчин. Гендерный стереотип базируется на «первородстве» мужчины, выполняющем роли добытчика и защитника, и «естественном предназначении женщины» как хранительницы семейного очага [17, с. 9]. Так, деятельность мужчин напрямую связана с кровью, независимо от того, является ли она продуктом охоты или завоеваний. Воин подвергает свою жизнь опасности, доказывая тем самым, что жизнь не является высшей ценностью, а служит более высоким целям. Как утверждает С. де Бовуар, «худшее проклятье, тяготеющее над женщиной, — это ее неучастие в военных походах; человек возвышается над животным не тем, что дает жизнь, а тем, что рискует жизнью; поэтому человечество отдает предпочтение не рождающему полу, а полу убивающему» [2, с. 94—95]. Такой радикальный взгляд на проблему гендерного неравенства в обществе фактически возводит войну на пьедестал социальной жизни, предоставляет

военным неограниченный кредит почитания, поскольку профессиональный выбор армии делает их лучшими среди всех остальных мужчин. Естественно, в такой силовой социальной институт, позволяющий удерживать не только политическую, но и символическую власть, доступ женщин закрыт. Однако история знает немало примеров, когда женщины наравне с мужчинами принимали участие в вооруженных конфликтах разного уровня [3, 7]. Таким образом, целью данной статьи является социокультурный анализ трансформаций гендерной структуры военной сферы.

Модификация оружия и перспективы гендерного равенства в армии

Интеграцию женщин в армейские формирования можно рассматривать, исходя из различных теоретических перспектив. Так, С. Л. Рыков доказывает, что функциональное назначение женщин в военных действиях зависит от общественной формации, т. е. от определенного этапа развития общества. В рабовладельческом обществе женщины исполняли роли «походных подруг» — гетер, которые выполняли наряду с сексуальной функцией семейно-бытовые и духовно-рекреативные обязанности, сопровождая мужчин в военных походах [19, с. 172]. В феодальном обществе были распространены «обозные женщины», выполняющие хозяйственные и медицинские функции. Например, у ландскнехтов военным кодексом от 1530 г. разрешалось держать в полку двух-трех проституток, которые подчинялись непосредственно полковнику и получали небольшое жалованье, кроме того, в обозе было еще множество «неофициальных» жен [6]. В индустриальном обществе женщины стали участвовать в боевых кампаниях, в основном не вступая в прямой контакт с противником, выполняя функции медицинского персонала, связистов, кладовщиков и т. д. Переход к постиндустриальному обществу обозначил эгалитарный подход к военно-профессиональной деятельности [19, с. 172], основанный на концепции равных потенциальных возможностей в процессе самореализации человека, независимо от половой принадлежности.

Возможности службы женщин в Вооруженных силах обуславливаются прежде всего возрастающей технической оснащенностью войск, эксплуатацией модернизированного и разнообразного оружия, появлением сложных технических комплексов, т. е. большой акцент делается на интеллектуализацию всех сфер жизни. Мы имеем дело с техническим прогрессом, с одной стороны, и с редукцией функций мужчин в армии — с другой.

Так, история армии рассказывает нам о достоинствах мужчин в древности, когда их «украшали шрамы». Культ красивого крепкого тела, умение вести рукопашные бои, владение мечом, сила и ловкость — вот основные достоинства мужчины-воина до изобретения ружья. У идеального солдата того времени, как справедливо утверждает М. Фуко, есть «знаки отличия» — природные знаки силы и мужества, они же предмет его гордости, его тело — символ его силы и храбрости [30, с. 197]. Женщина априори не могла иметь шрамы, поскольку патриархатная культура требовала от нее иных «знаков отличия», не связанных с практиками ведения боя: широкие бедра, упругую грудь, длинные густые волосы и т. д.

С использованием огнестрельного оружия мужчина превращается в юношу, которому надо метко стрелять, и ориентация на силу отходит на второй план. Применяется выражение «шальная пуля», которая может сразить солдата достаточно легко, независимо от того, насколько хорошо развита у него мускулатура. В войне начинают цениться другие качества: способность быстро ориентироваться в ситуации, умение владеть огнестрельным оружием, самоконтроль, что, в принципе, является гендерно-нейтральным. Однако мужчины весьма скептически оценивают профессиональные качества женщин-военнослужащих, аргументируя это тем, что, во-первых, женщины подвержены панике в экстренных ситуациях, а во-вторых, раненая или убитая женщина на поле боя деморализует солдат, поскольку срабатывают гендерные стереотипы. Они видят в женщине не своего сослуживца, а архетип женщины-прародительницы, которую не смогли спасти, т. е. не выполнили своего прямого предназначения, предписанного патриархатной культурой.

В настоящее время использование новых технологий в искусстве ведения боя, дистанционного метода управления оружием превращает мужчину, а точнее юношу, в мальчика. Ему надо, сидя в бункере нажимать на нужные кнопки. Значимость приобретают такие качества, как стрессоустойчивость, внимательность, наблюдательность, выносливость, организованность. Для освоения профессиональных компетенций военнослужащий должен быть мотивирован к осуществлению своей деятельности, выполнять нормы и требования, стремиться к профессиональному росту, быть коммуникабельным, успешно решать поставленные перед ним задачи.

Таким образом, трансформационные процессы, происходящие на сегодняшний день в обществе, открыли женщинам путь в Вооруженные силы, что, безусловно, является серьезным шагом на пути обеспечения гендерного равенства. Однако на деле они начинают сталкиваться с целым набором стереотипных суждений, зачастую мешающих освоению профессии и продуцирующих практики эксклюзии из армейского социума.

Проблема гендерной интеграции в армии вызвала широкий резонанс в рамках демократизации социальных структур и стала активно обсуждаться с двух противоположных позиций: консервативной и либеральной [9, с. 267]. Консерваторы считают, что Вооруженные силы должны сохранять свою специфику и особую функциональную предназначенность. Либералы же утверждают, что армия должна адекватно отражать меняющиеся ценности гражданского общества и распространение в нем многих «институциональных субкультур», в том числе построенных по гендерному принципу. Сторонник либерального подхода Б. Мюллер заметил, что «женщины не могут с полным правом требовать равных прав во всех сферах жизни, не признавая одновременно права на защиту своей страны» [33, с. 11]. Открывающиеся горизонты для гендерного равноправия обусловлены переходом к комплектованию Вооруженных сил на контрактной основе, т. е. созданием профессиональной армии. До этого момента женщины чаще всего были орудием стратегических манипуляций, которые использовали мужчины в военных кампаниях, фактически нарушая гендерные запреты патриархатной культуры.

Стратегии инклюзии женщин в армейское социальное пространство

Гендерное табу воинской службы в патриархатных обществах снималось в нескольких случаях:

— использовалась стратегия привлечения женщин в качестве воинов, что шокировало и деморализовало противника. Так, К. Тацит, описывая завоевание острова Мона, отмечал, что «на берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины, похожие на фурий <...> что потрясло воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары» [28, с. 265]. В военной стратегии славянских племен также использовался эффект неожиданности. По В. И. Немировичу-Данченко, «первобытные славянки неожиданно пугали врагов во время боя, неистово, с мечами в руках врываясь между сражающимися» (цит. по: [19, с. 176]);

— женщины участвовали в боевых действиях под видом мужчин. Например, в битве на Куликовом поле сражались княжна Феодора Пужбольская и Дарья Ростовская [7], в конце XVIII в. Александра Тихомирова прослужила в кавалерии 15 лет и командовала ротой улан, кавалерист-девица Надежда Дурова стала одной из первых боевых женщин-офицеров, а в годы Первой мировой войны фельдшер пехотного полка Елена Цебржинская, гусар Ольга Шидловская, кавалерист Антонина Пальшина были награждены орденом Святого Георгия;

— женские подразделения создавались с демонстративными целями для развлечения правителей. Например, в 1787 г. по указанию князя Потемкина в Крыму, близ Балаклавы, была создана специальная «амазонская рота», сформированная из сотни молодых жен и взрослых дочерей офицеров, под командованием Елены Сарандовой (в других источниках Сардановой) с целью преподнесения пышного зрелища для утешения императрицы Екатерины II [13, с. 462—475];

— женщины брали в руки оружие в ситуации вынужденного выбора, когда было убито большинство воинов мужского пола. *«История доказывает, что подобная ситуация возможна лишь там, где война “выкосила” всех мужчин или мужчины выродились как представители пола сильного»* (Сергей, майор, 32 г.)*. В любой войне, особенно если она является захватнической, участие женщин в боевых действиях оправдано ситуацией крайней необходимости: это фактически необходимая оборона, безвыходность положения, когда шансы на выживание слишком малы. Примеры подобных действий нечасто встречаются в описаниях геройских подвигов, поскольку скорее приравниваются к повседневности войны, когда в истории теряются имена тех фактически гражданских женщин, которые оказывали сопротивление врагам.

— женщины осуществляли кровную месть, воспроизводя ритуалы, принятые в определенных культурах. Наиболее иллюстративно это представлено использованием женщин-шахидок в боевых действиях на территории Чеченской Республики (например, была создана военизированная группа смертниц, «черных вдов», в состав которой входило 36 человек);

* По материалам авторского исследования, проведенного в четырех воинских округах в 2010—2011 гг. методом глубинного интервью. Количество информантов — 42, военнослужащие Российской армии. Отбор производился методом снежного кома.

— женские отряды использовались с целью вызвать стыд у мужчин и мотивировать их к активным действиям. В Первую мировую войну летом 1917 г. в России был создан первый женский «батальон смерти» под командованием Марии Бочкаревой (впоследствии полного георгиевского кавалера). Главной задачей этого подразделения было «устыдить солдат» и заставить их воевать до победного конца [25, с. 331], т. е. женщины своим героическим примером должны были вернуть слабохарактерных солдат в окопы [8]. Е. С. Сенявская, ссылаясь на мемуары К. Симонова, пишет, что присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым» [20];

— женщины в войсках выполняли функции, связанные с обеспечением и лечением военнослужащих. Основная задача сводилась к высвобождению мужчин, способных активно воевать с противником, за счет замещения женщинами их позиций, связанных с обслуживающими функциями. «*В мирное время женщинам в армии делать нечего, а вот на войне они могут быть только санитарками*» (Алексей, старший лейтенант, 28 л.). До Крымской кампании 1854—1855 гг. женщина не имела права ухаживать за ранеными. Она не должна была видеть беспомощное, окровавленное тело, которое в условиях полевого лазарета могло быть абсолютно нагим. Но мужчины были заняты войной, и заботиться о раненых, кормить их, накладывать повязки, обстирывать надо было, невзирая на этические нормы. Так появились сестры милосердия. На больничной койке воин-мужчина теряет свой героизм и становится «ребенком» [11, с. 142]. Раненый солдат, культивируя свою детскую идентичность в госпитале, интуитивно тянется к женщине, имеющей архетип матери, которая спасет, пожалеет, исцелит. Поэтому образ женщины-медсестры в армии быстро укрепился в сознании солдат. Такой подход к инклюзии женщин в социальное пространство войны позволял мужчинам по-прежнему чувствовать свою значимость. Это не входило в конфликт с гендерными стереотипами, отводящими женщине функцию заботы. «Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку, врача или медсестру, повара или пекаря, шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница — это уже нечто иное» [21, с. 166].

Таким образом, женщины, используя различные стратегии, входили в пространство войны или были интегрированы в него по идейным соображениям мужчин. Это явно доказывает, что как такового «проклятья» не было, существовал лишь гендерный конструкт, который воспроизводился для поддержания патриархатного строя. Массовое «неучастие женщин в военных походах» — это, в принципе, вид позитивной дискриминации, благодаря которому появлялся шанс сохранить генофонд.

Однако, безусловно, любые социальные изменения, будь то революции или реформы, сопровождающие переустройство государства, предполагали трансформацию отношений между полами, включая и доступ женщин к военному ремеслу. Наиболее показательным для решения «женского вопроса», т. е. создания равноправия между мужчинами и женщинами, являлось стремление

советской власти вывести женщину в публичное пространство, поскольку благодаря образованию, профессии, работе вне дома и общественной деятельности она сможет строить социализм [4]. Эмансипация женщин и ее воплощение в освоении традиционно мужских профессий, занятии военно-прикладными видами спорта преподносились как достижение социализма и освобождение женщины от домашнего рабства [20]. По большому счету это способствовало, с одной стороны, заключению в обществе гендерного контракта работающей матери [5], а с другой — готовило женщин к участию в борьбе за социалистическую родину, которая может проходить как в символическом пространстве, так и в реальных военных действиях. В результате Великая Отечественная война стала полигоном для проявления гендерного равноправия, на котором в разные ее годы сражалось от 600 тысяч до миллиона женщин, 80 тысяч из них носили офицерские погоны [14, с. 47—48].

Несмотря на пропагандистские установки советского гендерного равенства, отношение мужчин к сослуживицам варьировалось от восхищения героическими подвигами в боевых действиях до презрительно-насмешливого как к «походно-полевой жене». Это транслировалось в воспоминаниях самих фронтовиков: «Как правило, женщины, попавшие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров <...> “Походно-полевые жены” были практически у всех офицеров, кроме “Ваньки-взводного”. Они все время с солдатами, им негде и некогда заниматься любовью» [16]. В данном высказывании акцентируется внимание на обслуживающей функции женщины, ее «природном предназначении» — удовлетворять потребности мужчин, причем ситуация описывается в терминах, относящих женщину не к субъекту интеракций, а к объекту. Подобные примеры мы находим и в работе А. Шнеера, который пишет о том, как сначала в штаб забирали красивых, а остальных спускали в подчиненные подразделения [31].

В патриархатном обществе мужчины старались оберегать территорию воинского социума, запрещая женщине касаться военных ритуальных предметов. Гендерная сегрегация маркировалась отношением не только к войне, но даже к атрибутам воинской славы. Мужчины-воины проходили свою инициацию в социальных институтах, укрепляющих общий опыт мужчин и восприятие ими мужественности. Атмосфера этих «домов» напоминала дух современных военных заведений, где юноши становятся мужчинами через практики насилия и жестокости. К. Миллет в своих исследованиях прослеживает сходство «мужского дома» с криминальной средой и американской армией: «Видимо, грубое и жестокое сексуальное обращение с юношей, попытка превратить его в женщину усиливает в старшем воине жажду власти, удовлетворяет его враждебность к подрастающему конкуренту и, наконец, когда последнего принимают в группу мужчин, укрепляет мужскую солидарность в символической попытке “обойтись без женщин”» [10, с. 44]. Доказательства этого положения можно найти в художественных фильмах, освещающих взаимоотношения в армейском социуме, конструирующие гендерный дискурс гомогенного мужского сообщества. Так, нередко, старшие по званию военнослужащие при коммуникации с подчиненными мужчинами используют обращение «Девочки!», что воспринимается как армейский сленг. В процессе межличностных и служебных отношений военно-

служащие часто используют термины полового акта, тем самым фиксируя доминанции, указывая на иерархичность воинской системы. Кроме того, женские половые органы могут выступать предметом казарменных шуток, как в описанном К. Банниковым случае с поиском «клитора», который нужно поместить в трехлитровую банку [1, с. 137]. Новобранец не подозревает, что старослужащие над ним шутят, посылая в санчасть, на склад или в штаб за этим мифическим веществом, по названию напоминающим медицинский препарат. «Карнавальная ситуация разыгрывается как заговор посвященных против всех непосвященных — это обозначение нижнего и верхнего порога аутсайдности» [там же]. Женщина не вписывается в подобные условия воинской службы, поскольку априори по-другому воспринимает как систему доминантных отношений в армии, так и определенные элементы армейской культуры. Ритуальные действия, принятые в жесткой армейской системе, теряют свою значимость, когда одним из акторов интеракций становится женщина, поскольку ее социальный статус и так находится в зоне аутсайдерства.

Таким образом, гендерная система, являясь основой гендерных интеракций, детерминирует зоны доступа женщин в профессиональную сферу деятельности мужчин. Например, офицерский корпус не может позволить себе присутствие женщин в армии, потому что будет нарушена существующая гендерная система. Женщина-командир оценивается только с позиции гендерной принадлежности, без учета уровня ее профессиональной подготовки [26, с. 170]. В солдатском символическом пространстве женщина также будет подвергнута эксклюзии, поскольку не вписывается в стандартные ритуальные практики повседневных интеракций. Несмотря на это, с каждым годом количество женщин в Вооруженных силах увеличивается, создавая новые модели гендерных контрактов в армейских структурах и меняя облик воинских формирований.

Гендерная структура Вооруженных сил в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации

Феминизация Вооруженных сил имеет общие тенденции развития в армиях различных государств, но существуют и специфические черты такого феномена, зависящие от традиций, культуры, политических приоритетов каждой страны в отдельности. В данном контексте представляет интерес сравнение существующей гендерной структуры в армиях Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, поскольку эти страны, длительное время находясь в состоянии холодной войны, вели политику милитаризма, которая диктовала постоянное наращивание военной мощи и применение силы при решении конфликтов различного уровня. В современных условиях гонка вооружений прекращена, гражданский контроль над действиями Вооруженных сил способствует сокращению военных расходов бюджета государства, однако, как и во времена Советского Союза, продолжается сопоставление качественно-количественных показателей Вооруженных сил.

В США с 1 июля 1973 г. была введена добровольная система комплектования Вооруженных сил, что кардинальным образом изменило их гендерный состав. Так, с момента введения контрактной службы количество женщин-

военнослужащих в общей структуре Вооруженных сил возросло с 42 000 в 1973 г. до 214 098 в 2012 г. [37]. Обратим внимание, что, по данным исследований, проведенных Pew Research Center по репрезентативной выборке в 2010 и 2011 гг., гендерных отличий в выборе профессии военного выявлено не было. И мужчины, и женщины ориентировались на возможность служить своей стране, льготы для получения образования, перспективы увидеть мир и развить профессиональные навыки. Несмотря на идентичные ожидания от воинской службы и декларируемые равные стартовые возможности, по-прежнему наблюдается гендерный дисбаланс при кадровой расстановке, хотя изменения в этой области очевидны, поскольку с 1973 по 2010 г. доля женщин среди рядового состава увеличилась в семь раз (с 2 до 14 %), среди офицеров — в четыре раза (с 4 до 16 %) [34]. К. Уильямс пишет, что 91 % всех карьерных областей в Вооруженных силах США были открыты для женщин и 67 % армейских должностей могут быть заняты женщинами, однако до сих пор нет женщин в артиллерии и пехоте, им не разрешается водить танки и быть в специальных войсках [36, р. 15—16]. Кроме того, женщины ограждаются от прямых наземных боевых действий, ситуаций развертывания, специальных операций и разведки на большие расстояния [35]. Несмотря на это, с каждым годом женщин в войсках становится все больше, они продолжают занимать должности, которые долгие годы считались только мужскими. В 2012 г. в Вооруженных силах США проходят службу 14,6 % женщин, среди них в армии доля женщин составляет 13,6 %, в корпусе морской пехоты — 6,8 %, в военно-морском флоте — 16,4 %, в военно-воздушных силах — 19,1 %, в береговой охране — 15,7 % [37].

В Российской Федерации переход к профессиональной армии на контрактной основе начался на 20 лет позже, чем в США, поскольку лишь 30 ноября 1992 г. было принято Постановление «О мероприятиях по поэтапному переходу к комплектованию Вооруженных сил Российской Федерации военнослужащими в добровольном порядке — по контракту» [24, с. 524], что открыло широкий доступ в российскую армию женщинам. По данным Министерства обороны России, в 1980 г. доля женщин среди личного состава Вооруженных сил составляла 1,6 %, в 1985 г. — 1,8 %, в 1990 г. их число выросло до 3,5 %, в 1993 г. — до 9,0 % и в 1999 г. приблизилось к 10 %. Однако в последние годы российские Вооруженные силы подвергаются кардинальному реформированию, целью которого является создание высококомобильной компактной армии, в связи с чем ее численность планируется довести до 1 млн, а офицерский состав до 150 тыс. человек [27]. В результате женщин стали вытеснять из рядов Вооруженных сил, при этом их доля среди военнослужащих составила в 2009 г. 7 % — 77,5 тыс. человек [22, с. 188]. *«Сейчас ведь всех нас сокращают, увольняют <...> У нас служит одна женщина, так у нее 7 лет стаж службы, а претендовать на квартиру она может только после 10 лет. И куда она с ребенком, спрашивается, она ведь его одна воспитывает. Наш начальник пока тянет <...> Она же не виновата, что раньше набирали на контракт, а теперь нет. О судьбах абсолютно не думают. Сейчас ты без квартиры уйдешь и зарплата 9 тыс. рублей. Плевать, что тебя выкинут за забор. Это о женщинах-военнослужащих. Первое сокращение сделали красиво, дотянули всех до пенсии и сократили. Сейчас второй оборот пошел и уже никому ничего не*

объясняют. Спрашивается, зачем вы тогда со мной контракт подписывали? Это все, конечно, сверху идет. Приказ, и никуда от этого не деться. Даже командир все понимает. Когда у нас собрание, глаза опускает, не смотрит, потупит их, а ничего сделать не может. Обидно» (Елена, 40 л., прапорщик).

При наборе военных по контракту командиры стали отдавать предпочтение женщинам, поскольку у них уровень образования выше, чем у мужчин, они более дисциплинированы, организованы, исполнительны, ответственны, выдержанны. Но наряду с этим женщин на военной службе допускают лишь на те работы, от которых отказались мужчины, т. е. с низким статусом, зарплатой, престижем. «Женщина может достигнуть каких-то высот только в финансовой службе, да и то все относительно, конечно. Да и вообще, какая карьера может быть в армии? В армии женщина — это ни о чем, понимаете, ни о чем. Максимум прапорщик, а чаще всего сержант. Ко мне, например, обращаются иногда “товарищ прапорщица”, представляете... Назвали бы, например, товарищ полковничиха?..» (Ольга, 44 г., прапорщик). Женское представительство в руководящих звеньях Вооруженных сил незначительно, хотя наблюдаются некоторые позитивные изменения. Так, в 1999 г. среди женщин-военнослужащих насчитывалось только 13 полковников, около 100 подполковников и 300 майоров [23, с. 15]. За последнее время количество женщин — старших офицеров выросло более чем вдвое; в 2012 г. женщин-полковников стало 28, что на 16 больше, чем в 2011 г. [12].

Однако, обратившись к показателям общей численности женщин-офицеров, можно выявить некоторые колебания, поскольку на начало 2002 г. в структуре Вооруженных сил Российской Федерации проходили службу в звании офицера 3100 женщин [29, с. 26], затем их количество сократилось практически вдвое и лишь к этому году опять стало около 3 тысяч, что свидетельствует о весьма противоречивой политике в отношении реализации гендерно-нейтральных принципов отбора женщин в Вооруженные силы.

В основном обязанности женщин-военнослужащих лежат в сферах службы тыла, командно-штабных (военкоматы, финансовые органы), медицинских. Женщины часто представляют инженерно-технический состав и воспитательные структуры. В 2009 г. 28 % женщин проходили службу в медицинских учреждениях, 22,3 % освоили специальности связи, 16,5 % служили в штабах и около 25,2 % — в войсковом хозяйстве [22, с. 188]. По сравнению с войсками США, женщины в Российской армии могут замещать 66 % всех имеющихся должностей офицеров и лишь 18 % — рядового (сержантского) состава [15]. В результате за заявлениями российского правительства о том, что в армии существует гендерное равенство и женщины могут служить в любых сферах, кроется декларативность, которая тиражируется средствами массовой информации.

Еще одним аспектом при проведении компаративного анализа гендерной структуры в армиях России и США выступает выбор профессии военного. В авторском исследовании, проведенном с использованием целевой выборки, выявился гендерный дисбаланс, указывающий на то, что ориентации на военную службу у мужчин в первую очередь основываются на патриотических чувствах, романтических ожиданиях и реализации норм и ценностей российского

общества в устойчивом стереотипе «мужчина-защитник» [26, с. 119]. Женщины рассматривают военную службу как возможность занять ту нишу профессиональной деятельности на рынке труда, где «есть хоть какие-то островки относительной стабильности и существуют льготы, позволяющие выживать в океане рыночной экономики» [18, с. 10].

Л. Дефлер и Р. Уорнер, анализируя социально-экономическое и социально-психологическое воздействие военной службы на женщин, пришли к выводу [32], что военнослужащие-женщины достигают более высоких статусных позиций по сравнению с гражданскими женщинами, поскольку имеют возможность получать зарплату, эквивалентную мужской, а также довольны тем, что их работа находится в сфере безопасности страны, следовательно, более значима для достижения различных благ в обществе. Поэтому женщины-военнослужащие имеют прагматические ожидания от службы в армии и пытаются реализовать свой жизненный путь с максимальной выгодой. Между тем, увеличение денежного довольствия военнослужащих в результате реформирования российской армии, повышенное внимание правительства к статусу офицерского состава и контрактников приводит к тому, что воинские должности становятся весьма перспективными и вакантные места создаются благодаря вытеснению женщин из зоны рекрутирования мужской идентичности. Фактически публикации о женщинах в армии — это лишь иллюстрации к исключению из правил, когда демонстрация женщин-военнослужащих необходима для поддержания имиджа нового облика Вооруженных сил.

Таким образом, анализ гендерных отношений в войсках свидетельствует о том, что на разных этапах развития общества роль женщины в пространстве войны и мира менялась — от равноправия в выборе военного ремесла до полного неприятия женщин в мужском армейском социуме. В древности женщины использовали возможность сражаться с врагами в исключительных случаях, что демонстрируется в устном творчестве и древних письменных источниках. Но патриархатный строй постепенно отчуждает у них право открыто принимать участие в военных походах, и на протяжении нескольких веков они входят в состав вооруженных формирований либо под видом мужчин, либо когда защитников мужского пола не осталось, либо в качестве марионеток, которых выставляют на авансцену для демонстрации исключительного положения женщин на войне. Воинские отряды, а впоследствии и армия действительно становятся институтом рекрутирования гендерной идентичности, в котором культивируется мужественность и происходит своеобразная инициация — процесс становления мужчиной. Военнослужащие претендуют на элитарность, поскольку воплощают в себе те качества, которые транслируются патриархатной культурой и гендерными стереотипами. Однако сложно назвать «худшим проклятием» эксклюзию женщин из практик воинских походов, во-первых, потому что они все же участвовали в боевых кампаниях, хоть и не массово, а во-вторых, это реально спасало жизнь не только конкретной женщине, но и целому народу.

Важными вехами феминизации в армиях всего мира стали мировые войны, когда женщины начали участвовать в боевых действиях наряду с мужчинами на основании мобилизации. Кроме того, модификация системы призыва в сторону

отказа от массовых армий и актуализации набора на контрактной основе позволила трансформировать существующие гендерные пропорции. Несмотря на это, женщины в первую очередь подвергаются сокращению из рядов Вооруженных сил, когда профессия военного становится более престижной и высокооплачиваемой. В зоне межличностных интеракций господствуют гендерные стереотипы, которые затрудняют повседневные ритуальные практики мужского сообщества, если там появляется женщина, что также приводит к эксклюзии. Однако настрой правительства на эгалитарность в системе комплектования российских Вооруженных сил позволяет надеяться на то, что и в армейском социальном пространстве будут соблюдаться принципы гендерного равенства.

Библиографический список

1. *Банников К. Л.* Антропология экстремальных групп. М. : Наука, 2002. 400 с.
2. *Бовуар С. де.* Второй пол. М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. Т. 1 : Факты и мифы. 832 с.
3. *Ватурина З. П.* Нужны ли женщины в армии: историко-социологический анализ // Гендерный баланс в политике безопасности Европы в XXI веке. М. : Конверсия // женщины, 2002. С. 140—143.
4. *Гапова Е.* Революция и гендерный контракт, или Может ли комсомолка отказать комсомольцу? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 288—302.
5. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». М. : МЦГИ, 1997. С. 84—89.
6. *Зубков А.* Плохая война. URL: <http://fb2.booksqid.com/content/A5/aleksey-zubkov-plohaya.../53.html> (дата обращения: 05.05.2012).
7. *Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекрасных : женщины России в войнах. М. : РОССПЭН, 2002. 272 с.
8. *Кривец Н.* Первый женский батальон смерти воевал под Молодечно // Архипелаг Святая Русь : сайт. URL: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/> (дата обращения: 18.01.2012).
9. *Макарычев А.* Гендерные аспекты безопасности в контексте процессов глобализации // Гендерные исследования. 2002. № 7/8. С. 262—282.
10. *Миллетт К.* Теория сексуальной политики // Основы гендерных исследований : хрестоматия / отв. ред. О. А. Воронина. М. : МЦГИ, 2000. С. 33—47.
11. *Михель Д.* Мужчины, мальчики и поле боя // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 133—149.
12. *Офицеров-женщин в Российской армии за год стало в 1,5 раза больше* // РИА Новости. URL: http://ria.ru/defense_safety/20120308/587530542.html (дата обращения: 25.05.2012).
13. *Панченко А. М.* Русская история и культура : работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. 517 с.
14. *Парамонов В. Н.* Влияние Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на изменение социального статуса женщин // Гендерные исследования в гуманитарных науках : современные подходы. Иваново : Юнона, 2000. Ч. 3 : История. Язык. Культура. С. 47—49.
15. Перечень военно-учетных специальностей, а также профессий, специальностей, при наличии которых граждане женского пола получают военно-учетные специальности и подлежат постановке на воинский учет. URL:

- <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=127668;fld=134;dst=100200;rnd=0.4346906989812851> (дата обращения: 06.07.2012).
16. *Посысаев Н. С.* Как мы жили на войне // Аргументы и факты. 1995. № 18/19.
 17. *Римашевская Н. М.* Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Гендерные стереотипы в современной России / под общ. ред. И. Б. Назаровой, Е. В. Лабза. М. : МАКС Пресс, 2007. 306 с.
 18. *Рыков С.* Женский фактор // Соционимия. 2001. № 3. С. 10—13.
 19. *Рыков С. Л.* Личностная самореализация военнослужащих-женщин в военно-социальной среде // Гендерные стереотипы в современной России. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 169—186.
 20. *Сенявская Е. С.* Женщины на войне // Мир истории. 2000. № 5. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05-00/sen.htm> (дата обращения: 15.04.2012).
 21. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999. 383 с.
 22. *Смирнов А. И.* Взаимодействие общества и армии как социального института в современной России. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 254 с.
 23. *Смирнов А. И.* Женщины на военной службе: новые возможности и социальные права. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2000. 144 с.
 24. *Смирнов А. И.* Проблемы перехода к комплектованию Российских вооруженных сил военнослужащими по контракту // Социология в России XIX—XX веков. М. : Междунар. ин-т бизнеса и управления, 2002. Вып. 4 : Военная социология : тексты / под ред. В. И. Добренькова. С. 524—547.
 25. Советская военная энциклопедия. М. : Воениздат, 1977. Т. 3. 417 с.
 26. *Суркова И. Ю.* Социальная политика в армии: гендерный контекст. Саратов : Науч. кн., 2006. 204 с.
 27. Суть военных реформ в России — план Сердюкова // РИА Новости. URL: http://xn--80aeqcxgbkpk.xn-plai/defense_safety/20081218/157554452.html (дата обращения: 05.07.2012).
 28. *Тацит К.* Анналы // Соч. : в 2 т. М. : Ладомир, 1993. Т. 1. 418 с.
 29. *Тимашиов Т., Тимашиова Н.* Аты-баты, шли девчата // Ориентир. 2002. Март. С. 25—27.
 30. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 479 с.
 31. *Шнеер А.* Плен. URL: <http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava5> (дата обращения: 10.04.2012).
 32. *Defleur L. B., Warner R. L.* Socioeconomic and social-psychological effects of military service on women // J. of Political and Military Sociology. 1985. Vol. 13. P. 195—208.
 33. *Moller B.* Conscriptation and its alternatives // COPRI Working Paper. 1999. № 25.
 34. *Patten E., Parker K.* Women in the U.S. Military: growing share, distinctive profile // Pew Research Center. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/12/22/women-in-the-u-s-military-growing-share-distinctive-profile/1/> (дата обращения: 10.06.2010).
 35. Report to Congress on the Review of Laws, Policies and Regulations Restricting the Service of Female Members in the U. S. Armed Forces / prepared by Office of the Under Secretary of Defense Personnel and Readiness. URL: http://www.defense.gov/news/WISR_Report_to_Congress.pdf/ (дата обращения: 01.07.2012).
 36. *Williams K., Staub M. E.* Love My Rifle More than You : Young and Female in the U. S. Army. New York : W.W. Norton & Company, 2005. 288 p.
 37. Women in the Military Statistics. URL: <http://www.statisticbrain.com/women-in-the-military-statistics/> (дата обращения: 05.07.2012).